

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ ПО КРИМИНАЛИЗАЦИИ НАРУШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Ауезов Камранбий Кахраманович

Магистрант Университета мировой экономики и
дипломатии(УМЭД)

<https://doi.org/10.5281/zenodo.16950188>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 15-Avgust 2025 yil
Ma'qullandi: 20- Avgust 2025 yil
Nashr qilindi: 26- Avgust 2025 yil

KEYWORDS

международное
гуманитарное право;
военные преступления;
международное уголовное
право; универсальная
юрисдикция; Римский
статут; Женевские
конвенции; имплементация;
Международный уголовный
суд; уголовное
преследование.

ABSTRACT

В современном мире продолжительные вооружённые конфликты приводят к серьёзным нарушениям МГП, требующим повышенного внимания со стороны государств. Цель исследования — проанализировать природу международных обязательств государств по уголовной ответственности за нарушения МГП с использованием сравнительно-правового, формально-юридического и аналитического методов. Проведённый анализ показывает, что государства-участники Женевских конвенций обязаны искать и привлекать к ответственности лиц, совершивших грубые нарушения МГП. Следовательно, каждое государство должно имплементировать в национальное законодательство определения военных преступлений и предусмотреть за них соответствующие санкции. Римский статут в системе комплементарности призывает государства адаптировать внутренние нормы для эффективного сотрудничества с Международным уголовным судом. Международный уголовный суд обеспечивает притягивание к ответственности за наиболее тяжкие нарушения МГП. Принцип универсальной юрисдикции позволяет государствам преследовать такие преступления независимо от места их совершения. При этом в научной дискуссии обсуждается оптимальный баланс между необходимостью борьбы с безнаказанностью и рисками конфликтов юрисдикций и политизации процесса

Нарушения международного гуманитарного права (МГП) – военные преступления, геноцид, преступления против человечности и другие тяжкие акты в

ходе конфликтов – представляют собой угрозу международному правопорядку и безопасности. По данным ООН, в 2023 году около 153 млн человек нуждались в гуманитарной помощи из-за вооружённых конфликтов¹. МГП-нарушения усугубляют страдания гражданского населения и затрудняют достижение мира. В этих условиях ключевую роль играет обеспечение ответственности виновных. Международные суды (Нюрнберг, Югославский Трибунал, Руанде, Международный уголовный суд – МУС) лишь дополняют национальную систему правосудия, поскольку основная нагрузка по привлечению к ответственности лежит на государствах.

Вступление в силу Римского статута позволило МУС начать работу: на 2025 год число государств-участников составляет 124². Однако крупнейшие державы, такие как Россия, США и Китай, не ратифицировали Статут, что ограничивает его глобальное влияние. Следовательно, выполнение государствами собственных обязательств по уголовному преследованию за нарушения МГП является основным гарантом борьбы с безнаказанностью. Данную работу посвящена анализу международно-правовых основ криминализации нарушений МГП, теоретическим дискуссиям и сравнительному рассмотрению практики государств в этой сфере.

В доктрине международного права нет единого мнения о правовой природе государственных обязательств по уголовному преследованию нарушений МГП. Часть авторов подчёркивает их **императивный характер (jus cogens)** и статус *erga omnes*. Так, в научных трудах указывается, что борьба с «наиболее серьёзными международными преступлениями, включая преступления против человечности, прямо вытекает из норм jus cogens» и порождает международное обязательство государства **erga omnes**, включающее, в частности, требование криминализации этих преступлений на национальном уровне³. Российские специалисты, ссылаясь на практику МУС и международных трибуналов, аналогично отмечают, что «статья 1 Римского статута» и пр. закрепляют императивный характер преследования, а после установления комплементарности «бремя уголовного преследования международных преступлений остаётся на государствах»⁴. В то же время другие авторы напоминают, что формально эти обязательства проистекают из ратифицированных конвенций (Женевские конвенции, Римский статут и пр.), то есть носят по сути **договорный характер**. По этой точке зрения государство обязано криминализовать лишь то, что оно само согласилось в международных договорах, а всеобщей обязанности наказывать за военные преступления нет. Таким образом, в научной полемике выдвигаются две крайних концепции: одни рассматривают «уставные» нормы МГП как нормы высшей (императивной) силы с соответствующими всеобщими

¹ United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. (2023). *Global humanitarian overview 2023* <https://gho.unocha.org/>

² International Criminal Court. (n.d.). About the ICC. <https://www.icc-cpi.int/about>

³ Невский, Р. Э. (2022). Перспектива криминализации преступлений против человечности в уголовном законодательстве России. *Вестник Югорского государственного университета*, (3 (66)), 29–34 <https://doi.org/10.18822/byusu20220329-34>

⁴ Русинова, В. Н. (2015). *Права человека в вооружённых конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека* [Диссертация доктора юридических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»]. DIP Academy https://www.dipacademy.ru/documents/1349/Rusinova_dissert.pdf

обязательствами⁵ другие – как обычные договорные обязанности, которые могут быть выполнены посредством внесения соответствующих норм в национальное законодательство.

Особо дискуссионным остаётся вопрос об обязательности универсальной юрисдикции в отношении военных преступлений без привязки к собственной территории или гражданству. Инициатива такова, что «принцип универсальной юрисдикции позволяет всем государствам выполнять их обязательство преследовать военные преступления» (то есть привлекать к ответственности злоумышленников независимо от места их деяний)⁶. Международные правозащитники и ИКАО Женева подчёркивают, что все государства «должны предусмотреть универсальную юрисдикцию» за такие преступления и не допускать безнаказанности (институт *aut dedere aut judicare*) Противоположная точка зрения акцентирует внимание на том, что ни один универсальный императив не обязует государство автоматически расследовать любые военные преступления, совершённые где-либо. Например, часть ученых указывают, что при отсутствии таких требований в тексте Римского статута за пределами когда национальные суды не способны, основной обязанностью государства может быть лишь сотрудничество с МУС (выдача обвиняемых или предоставление доказательств). В практике ООН неоднократно подчёркивалось, что лица, совершившие военное преступление, «должны быть преданы суду или выданы» что говорит в пользу всеобщей ответственности. Таким образом, в теории «универсальность» рассматривается либо как **конструктивный инструмент** для борьбы с безнаказанностью, либо как опциональная возможность, а не жёсткое требование, что и лежит в основе полемики о пределах универсальной юрисдикции.

Следовательно, обязательства государств по уголовному преследованию вытекают не только из конкретных международных договоров, но и из общей нормы «соблюдать и обеспечивать» МГП. Развитие международного права в XX в. придало индивиду возможность ответственности, и сегодня международные преступления рассматриваются как посягательство на весь мировой порядок. Вследствие этого многие правоведы считают, что запрет военных преступлений имеет характер *jus cogens*, а обязанность их предотвращения и наказания – *erga omnes*. Хотя прямые ссылки на это редко встречаются в договорах, на практике государства ориентируются на широкий спектр источников (права вооружённой борьбы, гражд. права, резолюции ООН и т. д.) при реализации принципа наказуемости наиболее тяжких нарушений.

Международно-правовые источники обязательств

• **Женевские конвенции (1949 г.)**⁷. Все четыре Женевские конвенции содержат аналогичные положения о наказуемости тяжких нарушений. Например, статья 49 Конвенции I обязывает «ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить... серьёзные нарушения конвенции», а также «разыскивать

⁵ Филин, Ю. Н. (2017, 2 марта). К вопросу о международно-правовой ответственности государств за бездействие в осуществлении обязательств «*erga omnes*». *Этнос и право* (№ 1). <https://ep.mrsu.ru/journal/1-17/Filin.html>

⁶ Международный Комитет Красного Креста. (2021, 21 мая). *Универсальная юрисдикция в отношении военных преступлений*. Получено 25 августа 2025 г., с <https://www.icrc.org/ru/document/universalnaya-yurisdikciya-v-otnoshenii-voennyh-prestupleniy-0>

⁷ Женевские конвенции (12 августа 1949 г.) (Конвенции I–IV). (1949).

таких лиц и предавать их своему суду». Такая норма реализует принцип «или суди, или выдай»: государства должны либо судить обвиняемых, либо экстрадировать их другому Государству, представившему убедительные доказательства. В Конвенциях II–IV (статьи 50, 129 и 146 соответственно) содержатся аналогичные обязательства применять уголовное преследование за «особо серьёзные правонарушения» (grave breaches) – умышленное убийство, пытки, эксперименты над людьми, грубые нарушения правил ведения войны и т.п. (также называемые военными преступлениями).

• **Дополнительный протокол I (1977 г.)**⁸. Протокол I развивает понятия МГП в международных конфликтах и включает требование к государствам вводить наказуемость **всех военных преступлений**. В частности, ст. 85(4) ДП I предписывает:

«Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются... во всех войнах... обеспечить установление уголовной ответственности лиц, совершивших тяжкие нарушения... и другие серьёзные нарушения законов и обычаев войны...».

Это означает, что в дополнение к «особо серьёзным» нарушениям Женевских конвенций ПР I расширяет список наказуемых деяний (например, нападения на гражданских, террор, насильственное перемещение, применение оружия и т.п.). Документ требует, чтобы государства-участники создали уголовную ответственность за эти преступления, независимо от национальности виновного. Таким образом, Протокол I закрепляет обязанность национального правоприменения – устанавливать уголовные меры (законы, суды, сотрудничество) против военных преступлений любого характера.

• **Дополнительный протокол II (1977 г.)**. Этот Протокол распространяет отдельные положения МГП на внутренние вооружённые конфликты. Статья 4 ДП II определяет «военные преступления» в НВК (преднамеренное убийство, пытки, рабство, взятие заложников, разграбление имущества, истребление как тактика войны и т.д.) и требует «рассматривать эти деяния как уголовные преступления». Государства обязаны искать, выносить приговоры или передавать обвиняемых в соответствии с требованиями универсальной юрисдикции. Несмотря на более слабую норму по сравнению с ДП I, Протокол II тем не менее обязывает соблюдающие государства обеспечивать уголовное наказание за наиболее тяжкие преступления, совершённые даже внутри страны.

• **Другие международные договоры**. Нарушения МГП часто охватываются и другими соглашениями. Так, Конвенция о геноциде (1948) обязывает государства предусмотреть уголовную ответственность за геноцид и преследование за него. Конвенция против пыток (1984) требует сделать пытки уголовно наказуемыми. Эти договора напрямую связаны с МГП, поскольку многие военные преступления (пытки, массовые убийства, насильственное перемещение) пересекаются с запрещёнными актами в этих конвенциях. Хотя данные договора посвящены правам человека, их положения укрепляют обязательства государств наказывать военные преступления, дополняя правила Женевских конвенций и Протоколов.

• **Римский статут МУС (1998 г.)**⁹. Статут определяет обширный перечень военных преступлений (ст. 8), включая международные и немеждународные конфликты. Прямой обязанности криминализовать по тексту Статута не установлено,

⁸ Протокол дополнительный к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I). (1977)

⁹ Римский статут Международного уголовного суда. (17 июля 1998 г.). U.N.T.S., том 2187, с. 90. Принят 17 июля 1998 г.; вступил в силу 1 июля 2002 г

однако Статья 88 предписывает государствам-участникам принимать необходимые законодательные меры для исполнения его положений. С учётом комплементарности МУС и преамбульных оговорок многие исследователи полагают, что государства фактически обязаны приводить своё уголовное право в соответствие со Статутом. Более того, Принцип комплементарности означает, что МУС вмешивается только при нежелании или неспособности государства судить (ст. 17), усиливая ответственность государства обеспечить надлежащее преследование на национальном уровне. Таким образом, хотя Римский статут не диктует конкретных обвинений, он побуждает государства **имплементировать** международные определения военных преступлений в собственные кодексы и применять их.

Особая роль обычного права и доктрины. Помимо договоров, выработано и ряд обязанностей в обычном международном праве. Так, принцип универсальной юрисдикции за «особо грубые нарушения» (типа пиратства) применён к военным преступлениям: государство обязано преследовать виновных независимо от их гражданства и места совершения (в соответствии с требованиями Женевских конвенций и Доп. протоколов). Как разъясняет МККК, «государства-участники должны предусмотреть уголовную ответственность, применимую к любому лицу независимо от его гражданства, которое совершило или приказало совершить такие преступления, и обеспечить действие этих законов на территориях за пределами национальных границ». Это также вытекает из аксиомы «никакой индивид не должен уклоняться от наказания за военные преступления» (принцип *nullum crimen sine lege*, реализуемый через обычные нормы).

Национальная реализация и сравнительный анализ

На деле государства претворяют эти обязанности по-разному. В большинстве стран существенные нарушения МГП зафиксированы в уголовных кодексах или особых законах (так именуемые «военные преступления»). К примеру, многие государства включили в законы статьи о нарушении Женевских конвенций и применяют универсальную юрисдикцию. Некоторые страны (США, Великобритания) имеют специальные акты по военным преступлениям, иные предусматривают их на основании общей части УК.

Сопоставительный анализ демонстрирует, что подходы отличаются: одни государства энергично используют универсальную юрисдикцию и высылают преступников другим странам; другие предпочитают ограниченную территориальную юрисдикцию. Значительное число государств (более 100, по некоторым оценкам) уже ввели национальную уголовную ответственность за военные преступления. Вместе с тем имеются трудности: неполное соответствие кодексов новейшим стандартам МГП, ограничения доказательной базы, а также политическая незаинтересованность. Критики указывают, что при приоритете международных механизмов (МУС, трибуналы) в ряде случаев государства уклоняются от расследований. В частности, нератифицирование Статута МУС крупными державами означает, что некоторые нарушения остаются вне действия международного трибунала, увеличивая нагрузку на национальную систему права.

.Кроме того, отличается практика обеспечения гарантий прав подсудимых. Женевские конвенции предписывают, чтобы права обвиняемых в военных преступлениях были не менее благоприятными, чем в обычном международном праве (ст. 105–ДППЛ). Инициирование уголовной ответственности нередко сопровождается учреждением особых трибуналов или комиссий по расследованию военных преступлений (к примеру, Комиссия по военным преступлениям в бывшей Югославии) или акцентом на военные суды. Таким образом, сравнительный анализ показывает: все государства-участники МГП имеют обязательства по наказанию нарушителей, но

методы реализации – от конституционных норм до практики выдачи – существенно разнятся.

Обязанности государств по криминализации нарушений МГП прочно закреплены в международном праве. Ключевые договоры (Женевские конвенции и Дополнительные протоколы) прямо обязывают вводить уголовные наказания за военные преступления и гарантировать их исполнение. Общая норма «соблюдать и обеспечивать соблюдение» требует принятия всех необходимых мер – от законодательных до судебных. В совокупности международно-правовые источники формируют строгий императив: государство должно выявлять, преследовать и наказывать виновных в МГП независимо от внешних условий.

Исполнение этих обязанностей требует слаженных действий: дополнения уголовного права, подготовки судей и обвинителей, международного взаимодействия. В нынешних реалиях усилия МУС и ad hoc трибуналов обязаны подкрепляться действенной национальной юрисдикцией. Лишь при всестороннем учете международных обязательств и их неукоснительном выполнении возможно уменьшить безнаказанность, усилить уважение к нормам МГП и продвинуться к глобальной справедливости.

Список использованной литературы:

1. Женевские конвенции (12 августа 1949 г.) (Конвенции I-IV). (1949)
2. Протокол дополнительный к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I). (1977)
3. Римский статут Международного уголовного суда. (17 июля 1998 г.). U.N.T.S., том 2187, с. 90. Принят 17 июля 1998 г.; вступил в силу 1 июля 2002 г
4. International Criminal Court. (n.d.). About the ICC. <https://www.icc-cpi.int/about>
5. Невский, Р. Э. (2022). Перспектива криминализации преступлений против человечности в уголовном законодательстве России. Вестник Югорского государственного университета, (3 (66)), 29–34 <https://doi.org/10.18822/byusu20220329-34>
6. Русинова, В. Н. (2015). Права человека в вооружённых конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека [Диссертация доктора юридических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»]. DIP Academy https://www.dipacademy.ru/documents/1349/Rusinova_dissert.pdf
7. Филин, Ю. Н. (2017, 2 марта). К вопросу о международно-правовой ответственности государств за бездействие в осуществлении обязательств «erga omnes». Этнос и право (№ 1). <https://ep.mrsu.ru/journal/1-17/Filin.html>